ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Бои за историю

Александр Чубарьян: «Не идеологизируя и не политизируя историю, мы должны признать, что ее изучение в школе способствует решению задачи, которая стоит перед любой страной: консолидации общества».

РИА «НОВОСТИ»

История всегда была и будет полем для борьбы разных подходов

Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, разработанная под эгидой Российского исторического общества, вызвала неоднозначные отклики со стороны специалистов и широкой общественности. Собственно, как и сама идея Владимира Путина о создании единого учебника истории. Кто-то усматривает в этом попытку «подправить» прошлое в угоду настоящему, кто-то — стремление найти общественный компромисс по самым острым сюжетам нашей истории, а кто-то — всего лишь желание дать школьникам непротиворечивую картину прошлого. Как видят свою задачу те, кто занимается разработкой единого учебника? Об этом мы побеседовали с директором Института всеобщей истории РАН, академиком **Александром Чубарьяном**.

ПРОФИЛЬ: Александр Оганович, Бисмарку приписывают фразу о том, что именно школьный учитель победил в «битве при Садовой», то есть сыграл ключевую роль в объединении Германии. Имеет ли, на ваш взгляд, эта формула современное звучание? Иными словами, по-прежнему ли велика роль школы в формировании национального самосознания?

Чубарьян: Сейчас во всем мире наблюдается рост интереса к истории, к историческому знанию. Мы наблюдаем настоящий бум. И наша страна в этом смысле не исключение. В связи с этим в Европе активно обсуждают вопрос, каким должен быть учебник истории. Главная идея состоит в том, что учебник и, шире, преподавание истории в школе — это не только важнейшее средство образования, просвещения, но и средство воспитания у молодого поколения гражданственности, патриотизма, способ формирования личности. Поэтому я бы именно через такое преломление трактовал фразу, приписываемую Бисмарку. Тем более что сегодня во всем мире (и у нас тоже) признается особая роль учителя в формировании всех тех свойств личности, о которых я сказал. Учебник может быть плохой или хороший, но центральная фигура, которая транслирует историческое знание, — это все-таки учитель. Правда, по сравнению с эпохой Бисмарка нашим детям для того, чтобы победить в «битве при Садовой», помимо учителя нужен еще и Интернет, который играет всевозрастающую роль, становясь конкурентом и для учителя, и для учебника. *(Смеется.)*

ПРОФИЛЬ: Но Бисмарк имел в виду другое: роль учителей в формировании неких «правильных» политических идей, «правильного», с точки зрения решения государственных задач, национального самосознания...

Чубарьян: ...национального самосознания, которое и позволило объединить германскую нацию во второй половине XIX века...

ПРОФИЛЬ: ...то есть помогло решить политические задачи. Я об этом и спрашиваю: какова роль учебника истории в решении тех задач, которые сегодня стоят перед Россией?

Чубарьян: Не идеологизируя и не политизируя историю, мы должны признать, что ее изучение в школе способствует решению задачи, которая стоит перед любой страной: консолидации общества, объединения усилий различных общественных сил для достижения тех целей, которые перед ним стоят.

ПРОФИЛЬ: А какие задачи стоят перед нашим обществом? Перед Германией Бисмарка стояла вполне конкретная задача — объединение страны. А у нас что?

Чубарьян: Я не считаю, что у нас нет сопоставимых по масштабам задач. И речь здесь не только об экономическом подъеме, как это часто представляют. Речь о духовном развитии. Во всем мире на это дефицит. Все признают, что явно снижается уровень образованности и культуры молодого поколения и, как следствие, их политическая, гражданская активность. Много апатии, инфантильности...

ПРОФИЛЬ: Может быть, потому что нет значимых целей?

Чубарьян: Я думаю, формируя ценности, с которых мы с вами начали разговор, история может поспособствовать и формулированию тех целей, о которых вы говорите. Это во многом взаимосвязанные вещи.

ПРОФИЛЬ: Что, на ваш взгляд, должно стоять на первом месте в школьном преподавании истории: формирование знаний или все-таки ценностей? Собственно, в этом, как мне кажется, суть спора, который порожден процессом создания так называемого единого учебника истории...

Чубарьян: Это общемировая дискуссия. И, думаю, однозначного ответа я вам не дам. Конечно, с одной стороны, школьник должен знать определенный набор фактов — это нужно для просвещения человека. И в этом смысле мы — единственная страна в мире, где существует полный курс всемирной истории в школе: от первобытности до наших дней. Конечно, какие-то факты забываются, особенно если человек не становится профессиональным историком, но тем не менее каркас знаний все равно остается. Однако вторая сторона вопроса — не менее, а, может быть, даже более важная. Она состоит в том, что история формирует человека, содействует развитию его интеллектуального потенциала. На примерах прошлого он учится различать плохое и хорошее, он учится видеть, что история, как и сама жизнь, — это ситуация постоянного выбора пути. И это знание помогает ему найти свое место в жизни.

ПРОФИЛЬ: В преамбуле Концепции говорится, что в учебниках истории необходимо «исключить возможность возникновения внутренних противоречий и взаимоисключающих трактовок исторических событий». Как вы это понимаете? Ведь история сплошь и рядом состоит из противоречий и взаимоисключающих

СЕРГЕЙ АБДУЕВСКИЙ/«ПРОФИЛЬ»

Александр Чубарьян считает, что история не должна быть излишне политизированной

трактовок: победители и побежденные по-разному оценивают те или иные события...

Чубарьян: Вы совершенно правы: противоречивость заложена в самой природе истории. Но речь здесь идет вот о чем: у нас сейчас более ста учебников истории, рекомендованных Минобрнауки для средней школы. В принципе, учитель не в состоянии работать с таким количеством учебников. Поэтому в нашей Концепции речь идет о том, что трактовки тех или иных событий в разных учебниках не должны противоречить друг другу. В ряде регионов, например, есть учебные пособия, которые издаются по решению местных властей. И оценки, которые там содержатся, расходятся с оценками, содержащимися в федеральных пособиях. А учитель преподает и то, и другое: по федеральному учебнику он говорит об одной трактовке взятия Казани, по региональному — о противоположной. Должен быть какой-то консенсус, который мы и постарались выработать. Думаю, нам многое удалось. Но добиться полного консенсуса в рамках Концепции, конечно, нельзя. В самом обществе нет консенсуса по целому ряду сюжетов. Разные политические силы по-разному трактуют те или иные вопросы. И история продолжает быть средством для решения определенных политических задач — хочется нам этого или нет. Но такая ситуация не только в нашей стране: не так давно во Франции шла оживленная дискуссия о том, включать ли в учебники материалы о французском колониализме. Что же касается трактовок, думаю, можно в учебниках для старших классов писать: «Есть такая трактовка, но есть и другое мнение». А чтобы учитель был лучше подготовлен к такого рода работе, мы готовим брошюры по целому ряду дискуссионных тем, в которых будут рассмотрены различные подходы, которые существуют в современной науке.

ПРОФИЛЬ: Вы не считаете, что немного переборщили с поиском компромисса? Стоило вам обнародовать Концепцию, как, скажем, татарские ученые устами директора Института истории Татарстана заговорили о том, что ордынская дань — это всего лишь «налог», причем налог «вполне божеский» — «всего 10%», и что Мамай якобы боролся с Дмитрием Донским за «московский рынок». Не приведет ли все это к очередной — на этот раз «региональной» — ревизии нашего прошлого?

Чубарьян: Мы долго беседовали по поводу ига с Рафаилем Хакимовым, директором института, о котором вы говорите. В итоге в Концепцию вошла следующая формулировка: существовала «система зависимости русских земель от ордынских ханов», и в скобках мы указали — «т.н. ордынское иго». Словосочетание «монголо-татарское» мы убрали, чтобы не подчеркивать этнический момент. К тому же мы знаем, что завоевание было монгольским, а не татарским, как это трактовалось в русских источниках.

ПРОФИЛЬ: Как вы в целом оцениваете уровень дискуссии по поводу Концепции учебника истории? У меня сложилось впечатление, что лишь три жизненно важные темы были затронуты: было или не было иго, почему в Концепцию не попала фамилия Ходорковского и как теперь именовать революцию 1917 года? Вас такой примитивный уровень общественной дискуссии о прошлом удовлетворяет?

Чубарьян: Удовлетворяет то, что не было принципиальных возражений по поводу

наших предложений. Изменился и тон: вначале, когда только возникла идея создания единого учебника, тон был неприятный, раздражительный. Потом он стал более конструктивным. Что касается тем, о которых вы сказали, думаю, тут свою роль сыграли СМИ, выбравшие из всего текста Концепции лишь эти темы. Что же до оценок революции 1917 года, то мы решили пойти по аналогии с Великой французской революцией, объединив Февраль 1917-го, Октябрь 1917-го и Гражданскую войну и назвав этот процесс «Великой российской революцией». Мы оставили определение «Великая» имея в виду, что события 1917—1921 годов повлияли на весь XX век — и в российской, и в мировой истории. Революция изменила мир — вряд ли с этим кто-то будет спорить. К тому же негативный опыт — это тоже опыт. Ректор Сорбонны мне как-то сказал: «Что вы нервничаете?! Франции после революции понадобилось сто лет, чтобы стабилизировать систему и спокойно осмыслить произошедшее»...

ПРОФИЛЬ: А что делать с привычными историческими мифами — воспроизводить их в учебнике или давать новые трактовки? Ведь есть новые представления по истории той же средневековой Руси. Ряд исследователей, например, считают, что Ледовое побоище 1242 года не имело того масштаба и значения, как все привыкли думать. Или что Сергий Радонежский не благословлял Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы. И об этом пишут не «фоменки», а действительно крупные современные ученые. Но это ломает традиционные трактовки. Как быть с этими новациями?

Чубарьян: Эти подходы еще не устоялись, и в науке есть и прямо противоположные оценки. Поэтому думаю, что знакомство с этими точками зрения будет полезнее для учителя, чем для учеников. Вводить в школьный курс 6—7 классов такие тонкие, дискуссионные материи просто некорректно. Так можно только запутать детей.

ПРОФИЛЬ: То есть учебник — это все-таки некий канонический рассказ, который должен исходить из устоявшихся научных представлений?

Чубарьян: Да. Просто чтобы не сбивать детей с толку.

ПРОФИЛЬ: Должен ли учебник развенчивать существующие негативные «мифы о России»?

РИА «НОВОСТИ»

Идея Владимира Путина создать единый учебник не всем кажется бесспорной

Чубарьян: Образ России в мире менялся. Но, к сожалению, в нем до сих пор много негативного. Например, было и есть представление о России как об отсталой стране. Или о каком-то специфическом зверстве отдельных русских правителей — того же Ивана Грозного. Хотя, например, английский Кромвель вовсе не был носителем гуманистических ценностей... Думаю, учебник должен давать представление о России как полноценном члене мирового сообщества, цивилизации с развитой духовной и материальной культурой. Но со своей спецификой, которую нельзя не замечать. Так что это важная имиджевая задача — уйти от враждебного образа России, который существует и усиленно насаждается в том числе СМИ. В этом патриотический смысл учебника, который мы делаем, — граждане должны гордиться своей страной. Наше молодое поколение должно понимать, что в ее истории были победы и поражения, были ошибки и преступления. Но их наличие не повод, чтобы как-то принижать нашу страну. Россия — все-таки великая держава, и это все всегда признавали.

ПРОФИЛЬ: Есть такое мнение: после историков и методистов с новым учебником должны поработать специалисты в области пиара. Чтобы учебник грамотно продвигал бренд «История России». Что вы об этом думаете?

Чубарьян: У нас была идея привлечь писателя или толкового литературного редактора, чтобы текст был хорошо, ярко написан. Возможность привлечения пиарщиков нами не обсуждалась. Все-таки совсем политизировать школьный учебник не стоит...

ПРОФИЛЬ: Сейчас разработана только Концепция, а когда может появиться созданный на ее основе учебник?

Чубарьян: Во-первых, все зависит от того, насколько быстро объявят конкурс на его написание...

ПРОФИЛЬ: А кто будет объявлять?

Чубарьян: Я точно не знаю, но думаю, что Российское историческое общество. Все-таки это должна быть общественная организация. И на само написание год точно нужен. Поэтому я думаю, что учебник появится где-то в районе 2015 года.

ПРОФИЛЬ: Поясните, пожалуйста, когда мы говорим «единый учебник», сколько книг имеется в виду — одна?

Чубарьян: Нет-нет, что вы! Во-первых, должны быть разные книги для разных классов. И их будут писать разные авторы — специалисты по тем или иным периодам истории. Во-вторых, моя личная позиция заключается в том, что не должен быть один победитель конкурса — лучше два-три комплекта учебников, чтобы учитель мог сравнить. В-третьих, коль скоро речь идет, видимо, о возврате к линейному изучению истории, нам нужно определиться, когда мы заканчиваем ее изучать. Мое мнение — в конце 10-го класса. А в 11-м можно было бы ввести синтетический курс «Что такое история, история и идеология, история и политика». Следует поработать над учебником обществознания: сам предмет нужно сделать более простым и более прикладным — он должен дать представление о Конституции, об избирательном законе, о правах и обязанностях граждан. Наконец, нужно разработать новую Концепцию и написать новые учебники по всемирной истории. Плюс мы планируем создать ресурсное обеспечение к каждому учебнику — выложить в Интернете документы к каждому периоду. Так что работа еще в самом начале...

■ ВЛАДИМИР РУДАКОВ